

— Сун Линьчжи вошел в офис и небрежно прикрыл за собой дверь. — Эта вонючка последние несколько дней ест за мой счет, пьет за мой счет, спит на моем, пользуется моим — всё вокруг мое. Ты вот так запросто называешь меня старой черепашьей бандюгой, тебе не кажется, что это не совсем правильно?

— Да пошел ты в жопу! — Инь Юй с грохотом швырнул на пол его антикварную вазу. — Если бы не ты, мне что, черт побери, понадобилось бы жить у тебя?!

Слушая доносящийся из трубки звон разбивающейся керамики, Сун Линьчжи поморщился, а в его глазах сгустился холодок.

— Какую из моих вещей ты только что разбил?

Инь Юй понятия не имел, что именно это была за вещь: главное — стоило ей оказаться подороже, как он тут же отправлял ее на пол, благо возместить ущерб было чем.

— Какая тебе разница, что я разбил? — Его голос слегка дрожал от возбуждения. — Какого черта ты такой коварный?!

Если бы не Сун Линьчжи, отцу не пришлось бы выгонять его из дома, и его бы не избили прямо на глазах у Ци Лэ.

Вспомнив всё это, Инь Юй решил, что он просто круглый дурак! И надо же было ему думать, будто эта старая черепашья бандюга к нему хорошо относится — в итоге вся эта жуткая ситуация, в которой он оказался, целиком и полностью дело рук этого старого негодяя!

Брови Сун Линьчжи взлетели вверх:

— Я — коварный?

— Ты и есть самый настоящий гад! — выкрикивая это, Инь Юй снова почувствовал себя несчастным, и в его голосе помимо воли прорезались слезные нотки.

— Что я тебе говорил? — холодно произнес Сун Линьчжи. — Каким должно быть твое отношение ко мне?

Не материться, не вести себя со мной на равных. В голове Инь Юя пронеслись эти слова, и он в ярости швырнул на пол чернильницу старого негодяя.

— И что с того, как я разговариваю?! Как хочу, так и говорю!

Ладно, значит, управы на него больше нет.

Сун Линьчжи сбросил вызов, перешагнул в соседнее помещение и напрямую постучал в дверь кабинета Инь Шицзяня.

— В чем дело? — нахмурился Инь Шицзянь.

— Когда ты наконец заберешь своего сокровища-сына домой? — с натянутой улыбкой поинтересовался Сун Линьчжи. — Или хочешь, чтобы он и дальше жил у меня?

Инь Шицзянь как раз пребывал в растерянности из-за внезапного звонка Ци Юйяна, а потому от услышанного даже растерялся:

— Что он опять натворил?

В конце концов, он прекрасно знал своего сына, и раз уж Сун Линьчжи заговорил с ним в таком тоне, значит, этот сорванец снова вляпался в неприятности.

Сун Линьчжи опустился в кресло напротив:

— Да ничего особенного, я просто зашел узнать, могу ли я его как следует проучить.

Инь Шицзянь невольно помрачнел:

— Этот паршивец опять буянит?

— С со мной-то он особо не буянит, — поморщился Сун Линьчжи. — Характер у него в целом даже забавный, просто в последнее время слишком уж занебесно возгордился.

Инь Шицзянь бросил на него косой взгляд:

— Раз он тебя достал, можешь воспитывать его как знаешь — пока его как следует не отучишь, уму-разуму он не наберется.

— Только этого от тебя и ждал. — Сун Линьчжи поднялся на ноги и с усмешкой бросил: — А балуешь ты своего ненаглядного сынка и правда на славу.

Сына он и впрямь избаловал знатно, но об этом можно было рассказывать долго. Инь Шицзянь никак не мог ему всё объяснять, а потому молча нахмурился.

Стараниями Сун Линьчжи беспокоить его дальше не стал — получив карт-бланш, он покинул кабинет.

Тем временем Инь Юй, оставшийся в доме Сун Линьчжи, всю прыгал на огромной кровати старого негодяя с матрасом Simmons, оглашая комнату яростными проклятиями:

— Чтоб у этой старой черепашей бандюги, когда он наябедничает, дети рождались без задниц!

При мысли о том, что в свои восемь лет он все еще получает ремня по заднице, его гнев разгорался с новой силой, и прыгать он начал еще яростнее.

038 Боясь мести семьи Ци

Старый особняк семьи Ци.

Ци Лэ устроился на диванчике в собственной комнате и канючил перед вторым братом, требуя отправить его домой.

Ци Син кому-то увлеченно строчил в WeChat, расплывшись в пошленькой улыбочке. Услышав нытье младшего, он бросил:

— На этот раз такова воля деда. Я даже отпросился со съемочной площадки и приехал, так что попробуй только не появись там.

— Всё равно я всего лишь побочный сын, — скривил губы Ци Лэ. — Второй дядя на меня смотрит волком. — За ужином тот глянул на него зло и ядовито.

Услышав это, Ци Син зыкнул на него:

— Еще раз назовешь себя побочным сыном — смотри, старший с тебя шкуру спустит!

— Но ведь это же правда, — недоумевал Ци Лэ. — Второй брат, ты тоже хорош, мое положение в семье Ци и так всем прекрасно известно, да я и сам не делаю из этого тайны.

— Какая к черту тайна! — Второй брат ответил ему звонким щелчком по лбу. — Наш отец тебя прикончит, если услышит такое.

Потирая ушибленную голову, Ци Лэ отсел подальше и больше не произнес ни слова.

Он посмотрел в окно на улицу: внизу несколько младших племянников всю резвились с

филиппинской горничной.

Члены семьи Ци с самого рождения стоят на самой вершине, правил здесь не счесть, и каждый думает только о собственной выгоде.

Даже эти дети, которым от роду всего по несколько лет, и те помешаны исключительно на личной выгоде.

Вспоминая взгляд второго дяди за ужином — казалось, тот готов был сожрать его живьем, — Ци Лэ чувствовал глухую тоску. Разве он сам выбирал рождаться побочным сыном в семье Ци?

Намерения деда тоже были покрыты мраком, любое слово приходилось взвешивать. Жизнь в клане Ци ничем не уступала древним дворцовым интригам: дед — словно император, а они — придворные наложницы.

Сейчас он чувствовал себя новой фавориткой, на которую все вокруг смотрят кровью налитыми от зависти глазами.

Проведя такое сравнение, Ци Лэ невольно усмехнулся.

— Лэ-лэ, я отойду ответить на звонок, — сказал Ци Син, не отрывая глаз от телефона, в которых читалось нескрываемое воодушевление. — Если станет скучно, сходи в соседнее крыло к старшему.

Ци Лэ кивнул.

В тот же миг тон второго брата резко переменился, и он, громко матерясь, вышел из комнаты.

Было очевидно, от кого именно поступил этот вызов, и на сердце у Ци Лэ снова скребли кошки.

Однако поразмыслить над этим ему не дали — зазвонил его собственный телефон.

На экране высветился незнакомый номер. Ци Лэ не захотел отвечать и просто сбросил вызов.

После этого он открыл мессенджер и принялся болтать с однокурсниками, полностью проигнорировав назойливый звонок с незнакомого номера.

Инь Шицзянь, чей вызов был отклонен, нахмурился, зашагал к парковке и там столкнулся с Сун Линьчжи, который тоже только что закончил работу.

— Сегодня никак не могу дозвониться до Инь Юя. — Хотя сын и был сорванцом, прежде

подобного еще не случалось, так что Инь Шицзянь невольно начал беспокоиться.

Сун Линьчжи на секунду замер, вспомнив утренний разговор с Инь Юем, и ответил:

— Наверное, дуется на тебя. Я приеду домой и заставлю его перезвонить тебе.

— Не нужно, — Инь Шицзянь по-прежнему доверял Сун Линьчжи. — Если у него возникнут какие-то капризные требования, даже не обращай внимания. Еще чего не хватало, продолжать потакать этому паршивцу.

Потакать ему он точно больше не собирался — сейчас ему хотелось лишь поскорее вернуться домой и задать трепку этому наглецу, рискнувшему разгромить его квартиру.

Сун Линьчжи улыбнулся:

— Я знаю, не переживай.

Разговор зашел о предстоящем банкете семьи Ци, и Сун Линьчжи спросил:

— Возьмешь с собой Инь Юя?

— Не уверен. — Инь Шицзянь планировал кое с кем разобраться и тащить с собой сына опасался — лишние хлопоты.

Не зная о его делах с Ци Лэ, Сун Линьчжи усмехнулся:

— В конце концов, ты просто боишься, что твоего любимчика постигнет месть со стороны клана Ци.

Сын уже сполна отхватил мести от Ци Лэ, мысленно ответил Инь Шицзянь. Предвкушая новую встречу с Ци Лэ, он уже не мог дождаться выражения на лице парня, когда тот снова увидит его.

039 Уничтожение репутации простить нельзя

Когда Сун Линьчжи вернулся домой, он обнаружил, что деревянная входная дверь покрыта свежим слоем краски с выведенной на ней надписью:

Старая черепашня бандюга Сун Линьчжи, разрушил мою юность и опорочил мое имя!

Выведено было вполне красивым почерком. Сун Линьчжи усмехнулся: гадать о том, чьих это рук дело, не приходилось.

Стоило толкнуть входную дверь, как в нос ударил резкий едкий запах. Нахмурившись, он брезгливо зажал нос рукой.

Бросив взгляд на гостиную, он увидел усыпанный осколками керамики пол — судя по узорам, это были те самые антикварные вазы, что он приобрел на днях. Кожаный диван в гостиной был изрезан ножом вдоль и поперек, а обеденный гарнитур на кухне полностью уничтожен.

Во всем доме царил абсолютный погром.

Брови Сун Линьчжи едва заметно дрогнули, по сердцу резанул холодок, а дыхание на секунду перехватило.

Понимал ли этот паршивец, сколько денег на всё это ушло?!

У него на висках запульсировала вена, а когда он вошел в спальню, то чуть не заработал сердечный приступ.

Вся кровать была истоптана следами от ног, простыни и пододеяльники разорваны в клочья, на полу валялись осколки стекла, а панорамное окно украшала точно такая же фраза, оставленная из баллончика.

Сун Линьчжи решительно толкнул дверь в комнату паршивца: багаж был на месте, судя по всему, сбежать тот еще не успел.

Он как раз собирался позвонить наглецу, как сзади в спину пришелся неожиданный удар ногой, едва не сбивший его с ног.

Инь Юй прятался прямо у входа в свою комнату, устроив засаду на старого негодяя. Отоварив того пинком, он тут же натянул на голову Сун Линьчжи какую-то вещь и с силой впечатал его лицом в пол.

Сун Линьчжи никак не ожидал нападения, а сорванец действовал слишком быстро. Не успев опомниться, он рухнул на пол, а затылок пришелся о твердое покрытие, заставив его судорожно втянуть воздух.

Следом на него посыпались удары кулаков Инь Юя.

Паршивец колотил его и приговаривал:

— Подлый гад! Коварный интриган! Прибью тебя, сволочь! Получи за то, что подставил меня!

Получив пару ударов, Сун Линьчжи пришел в себя, перехватил его руки с такой чудовищной силой, что Инь Юй взвыл от боли.

— Старый ублюдок, пусти! — Черт побери, с чего это он вдруг начал отбиваться?! Всё должно было быть совсем не по плану!

— Мелкий засранец, шкура зачесалась, да? — Сун Линьчжи сорвал с головы вещь, перехватил инициативу и прижал противника к полу. Потемневшим взглядом глядя на него сверху вниз, он холодно бросил: — Только и знаешь, что обзываться, твоя поганая пасть снова захотела ремня?

— Да ты не посмеешь! — упрямо выпятив подбородок, Инь Юй вытаращил глаза.

Правой рукой Сун Линьчжи перехватил оба его запястья и впечатал их над головой, а левой слегка шлепнул по раскрасневшейся щеке, угрожающе процедив сквозь зубы:

— Я тебе не отец, сюсюкаться с тобой не стану. Сегодня ты меня и впрямь разозлил.

— Отпусти меня! — Инь Юй ни капли не испугался мужских угроз и заерзал под ним, пытаясь вырваться. — М-м... больно...

Запястья пронзило болью, когда хватка стала еще сильнее.

Черт! Этот старый негодяй в обычное время всегда выглядит таким чахлым слабаком! Сун Линьчжи не знал, о чём тот думает, и бросил взгляд на кровать в стороне. Он тут же схватил мерзавца за шкуру и швырнул прямо на постель.

— Какого чёрта! — выругался Инь Юй, а в уголках его глаз от удара головой о деревянное изголовье даже выступили две слезинки.

Не успел он прийти в себя, как старый хрыч быстрыми движениями сорвал с шеи галстук. Следом этот же галстук туго стянул оба его запястья.

Сун Линьчжи завязал мёртвый узел, прижал парня к матрасу, вытащил из собственных брюк ремень и взмахнул им в воздухе, издав пугающий, свистящий звук.

Свысока глядя на Инь Юя взглядом полным презрения, он вдруг усмехнулся:

— Ах ты паршивец, на словах ты мастак, а стоило замолчать — заставил меня лично заняться

твоим воспитанием.

Непокорного нужно укротить.

Запястья связаны, суставы ломит от боли и напряжения, но Инь Юй, стиснув зубы и упрямо уставившись на мужчину, продолжал дерзить:

— Только попробуй тронуть меня!

Сун Линьчжи возвышался над прижатым к кровати мерзавцем, а на его лице отчетливо читалось игривое пренебрежение.

Обычно мягкий и обходительный мужчина сейчас полностью преобразился: его движения были грубыми и дикими, и в глубине души Инь Юя промелькнуло дурное предчувствие. Его мозг лихорадочно соображал, пытаясь вырваться из пут старого хрыча.

— Думаешь, я не посмею? — Сун Линьчжи сжал его подбородок, вспоминая всё, что увидел при входе, отчего он чуть не схватил сердечный приступ. — Ты просто засиделся без порки, простые уговоры на тебя не действуют, с тебя нужно содрать шкуру!

— Старый хрыч, смеешь мне угрожать! — Пусть Инь Юй и оказался поверженным под ним, гордыня его никуда не делась.

Сун Линьчжи взмахнул ремнем и опасно прищурился.

— Кажется, твоим языком толком не научишься разговаривать.

С этими словами он крепче перехватил ремень и резко взмахнул рукой, рассекая воздух пугающим свистом.

Инь Юй вздрогнул от испуга, всё его тело затряслось, а глаза рефлекторно зажмурились.

Однако ожидавшейся боли не последовало.

Он медленно открыл глаза и увидел, что старый хрыч смотрит на него с улыбкой.

— Мелкий ублюдок, а ты ведь тоже умеешь бояться? — Заметив его перепуганный вид, Сун Линьчжи мгновенно впал в отличное расположение духа.

— ...Пошёл к чёрту!

Сообразив, что его просто надули, Инь Юй снова забился в попытке освободиться.

Но разве старый хрыч позволил бы ему вырваться?

Сун Линьчжи без всяких усилий придавил его к кровати.

— Разнес сегодня столько моих вещей, неужели ты и правда думал, что удастся уйти безнаказанно?

— Так тебе и надо! — Инь Юй с детства привык ко всеобщему баловству и вовсе не желал подчиняться Сун Линьчжи. — Лицемерный, коварный и подлый негодяй!

Сун Линьчжи понятия не имел, какими такими мерками этот паршивец измерял его поступки — ведь он никогда не скупился на хорошее отношение к нему. Инь Юй совсем не волновало, хорошо ли тот к нему относился — он уяснил для себя лишь одно: Сун Линьчжи подстрекал его отца проучить его.

— Отпусти меня!

— Я ношусь с тобой как с родным дедом, а ты вот так перекладываешь вину на меня?

— Лицемер! — вспомнив, как ему досталось от отца, Инь Юй неожиданно почувствовал, как защипало в глазах, и, не удержавшись, уронил пару крупных слезинок.

Сун Линьчжи растерялся от его слез и на мгновение засуетился, хотя внешне остался совершенно невозмутим, а в голосе зазвучал ледяной холодок:

— Чего ты реवेशь?

— Проваливай!

Инь Юй отвернулся, и слезы покатались из уголков глаз прямо на подушку, мгновенно оставив на ней темное влажное пятно.

Если бы эта старая черепаха не мутила воду, он бы не пострадал от безумных выходок Ци Лэ и уж точно не скатился бы до такого жалкого состояния!

Чем больше Инь Юй думал об этом, тем сильнее злился. На сердце скребли кошки, обида захлестнула с головой, и слезы полились еще пуще.

Глядя на то, как этот сопляк упрямо льет слезы, словно какая-то целомудренная дева, Сун

Линьчжи почувствовал странное, необъяснимое желание причинить ему боль.

Так и подмывало поиздеваться над ним...

Сун Линьчжи сглотнул вязкую слюну, понимая, что его мысли зашли в опасное русло.

И тем не менее он это сделал.

Инь Юй все еще всхлипывал, как вдруг чья-то рука подхватила его за пояс, и его бесцеремонно перевернули.

Он остолбенел.

Следом сзади повеяло прохладой.

Брюки стянули — правда, только наполовину.

Сун Линьчжи действовал быстро, с силой ухватившись за него и пару раз сжав пальцы. Кожа у этого засранца и впрямь оказалась невероятно белой: стоило лишь дважды провести по ней, как на ней тут же остались отчетливые красные следы.

Выглядело это крайне двусмысленно.

— Какого черта! — Инь Юй запаниковал и попытался натянуть штаны обратно. — Ты что творишь, ублюдок?!

— А сам как думаешь? — Сун Линьчжи шлепнул его пару раз.

Довольно упруго. Он невольно усмехнулся.

Инь Юй только собрался выругаться, как его заднице снова досталось.

Неизвестные никому обиды

— Шлеп!

Звук получился особенно громким. Инь Юй никак не ожидал, что тот и впрямь осмелится его отшлепать, и волна жгучего стыда мгновенно затопила его с головой.

— Мелкий паршивец, а ты знаешь, сколько денег ты мне спустил?

Сун Линьчжи терзался вложениями: сколько же сил и средств ему стоило заполучить тот антикварный фарфор, а этот щенок взял и разбил его вдребезги!

Его злость достигла предела, и ремень снова опустился вниз.

— Мгм! — Инь Юй закусил губу, сдерживая крик. — Старая черепаха, да как ты смеешь меня бить!

— Ты же посмел разбить мою вещь, почему же я не смею тебя отшлепать? — с полуулыбкой отозвался Сун Линьчжи. Шенонец с покрасневшими глазами выглядел поистине соблазнительно.

— Ты сам напросился!

Едва смолкли слова, как последовал ещё один удар.

С чего бы юному господину Инь терпеть такое унижение?

В прошлый раз его отцу лупил по заду, а не прошло и нескольких дней, как снова высек этот старый ублюдок. Даже будь у него задница из железа, и та не выдержала бы подобных побоев!

— Я всё расскажу папе... — Голос Инь Юя дрожал от слёз, обида захлестывала через край. — Скажу, что ты надо мной издеваешься... Ой!

Стоило ему снова получить шлепок, как голос сорвался на фальцет.

Сун Линьчжи невольно усмехнулся, слушая его:

— Расскажешь папе?

— Обязательно расскажу папе! — Он непременно сделает так, чтобы этот старый ублюдок покрыл себя позором!

— Сколько тебе лет, ребёнок? — Сун Линьчжи отбросил ремень и, глядя на то, как тот стоит перед ним на коленях, упершись лбом в постель, помрачнел во взгляде и недобро спросил: — Что, всё-все можешь папе рассказать?

— Старый ублюдок...

Юный господин Инь уже забыл о всяком стыде, уткнувшись лицом в подушку, а слёзы так и катились градом.

Он и так последние дни чувствовал себя невероятно обиженным из-за того, что его отец крутил шашни с Ци Лэ, а сегодня узнал, что этот старый ублюдок подначивал отца не спускать ему всё с рук. И вот теперь старый ублюдок снова выпорол его по задку.

Вспомнив всё, что выпало на его долю за эти дни, Инь Юй понял, до чего же он несчастный. На сердце было так горько и обидно, что слёзы брызнули ещё сильнее.

Но плакать в голос он не смел, боясь насмешек старого ублюдка.

Сун Линьчжи опустил взгляд: плечи шенонца судорожно подрагивали, зрелище было донельзя жалостливым.

Мужчина поневоле задумался: а не слишком ли далеко он зашёл?

Но стоило в памяти всплыть картине из прихожей, как на висках запульсировали вены.

— Шенонец.

Сун Линьчжи схватил Инь Юя за плечи, пытаясь развернуть к себе, чтобы оценить его состояние.

— Не трогай меня! — Инь Юй дёрнул плечом, чуть не уткнувшись носом прямо в подушку.

— Плачешь? — Сун Линьчжи подтянул ему штаны, придвинулся ближе, заглядывая в лицо шенонца. — Чего ты так легко раскисаешь?

— Проваливай.

Голос шенонца звучал глухо, с тяжёлым носовым оттенком.

— Провалюсь я — кто тебя утешать станет? — Сун Линьчжи взъерошил его волосы. — Я больше не сержусь, перестань плавать, м?

Инь Юй резко вскинул голову, глаза покраснели от слёз. Набросившись на Сун Линьчжи, он придавил его к постели и принялся колотить кулаками по груди, на чём свет стоит ругаясь:

— Старый ублюдок! Ты на меня папе жалуешься! Подговариваешь отца наказать меня! Ты первый во всём виноват!

— Ты первый начал!

С каждым словом он распалялся всё сильнее, а удары становились тяжелее.

Превозмогая боль, Сун Линьчжи крепко прижал его к груди.

— Ладно-ладно, я виноват, я во всём виноват...

— Никто из вас никогда не спрашивает, почему я злюсь! Только и знаете, что орать на меня и бить, когда я злюсь!

И папа такой же, и этот старый ублюдок.

Инь Юй подумал, что он, должно быть, сошёл с ума и его слёзные железы сломались — иначе почему слёзы никак не могли остановиться?

— Вы же первые от меня отмахнулись, я просто хотел привлечь ваше внимание...

Семья играет исключительно важную роль в взрослении ребёнка. У Инь Юя с детства не было матери, а единственный отец вечно пропадал на работе. Малышом он рос с бабушкой и бабушкой, вот только они умерли ещё когда он учился в младшей школе.

Сун Линьчжи ничего этого не знал. Он смотрел на шенонца, оседлавшего его, на крупные слёзы, капающие прямо в самую глубь его сердца.

— Чоу-чоу...

— Отвали... — Инь Юй яростно тёр тыльной стороной ладони лицо. — Сам ты чоу-чоу, не смей называть меня по детскому прозвищу... Ик!

Заикаться от слёз — это было слишком мило.

Сун Линьчжи с трудом подавил улыбку:

— Вставай. Сегодня ночевать здесь не будем, я отведу тебя в одно место.

— Да кто чёрт побори с тобой...

Не успел он договорить, как Сун Линьчжи решительно рывком поднял его на ноги, не оставляя и шанса на отказ.

— Чуть что — сразу чёрт побери, язык у тебя и впрямь просит ремня.

— Да отстань ты от меня! — Ему же только что по заднице настучали, больно вообще-то.

Услышав это, Сун Линьчжи остановился и обернулся.

У шенонца покраснели глаза, на щеках алели следы слёз. От былой спеси и заносчивости не осталось и следа, на лице читалось чистейшее обиженное детское горе.

Похоже, и впрямь обидел его до глубины души.

Сун Линьчжи обхватил его лицо ладонями:

— До чего же ты страшный, когда плачешь.

— ...Проваливай.

Инь Юй больше всего ненавидел, когда кто-то критиковал его внешность. Размахнувшись кулаком, он снова бросился на обидчика, но тот перехватил его руку на лету.

— Ты и вправду возомнил, будто я буду с тобой цацкаться?

С этими словами Сун Линьчжи притянул его к себе и, встретившись взглядом с ошеломлённым лицом шенонца, повинувшись какому-то слепому порыву, поцеловал его.

Шенонец оказался сладким.

Словно пробуя изысканный десерт, Сун Линьчжи властно и настойчиво углубил поцелуй.

<http://bllate.org/book/22315/2336613>